

АРГОС И АРГОССКАЯ КОАЛИЦИЯ В ПЕРИОД НИКИЕВА МИРА

А. В. УНЖАКОВ

*Нижегородский
государственный
лингвистический
университет
им. Н.А. Добролюбова*

e-mail: alun18@gmail.com

Делается анализ ситуации, сложившейся после заключения Афинами и Спартой Никиева мира; возможностей, позволивших Аргосу создавать свою независимую коалицию государств; а также обстоятельств, приведших к неудаче этого предприятия и к утрате Аргосом лидирующей роли. Политику Аргоса в рассматриваемый период, как и в более раннее время, следует характеризовать как исключительно проаргосскую, основанную на прагматическом расчете, поиске путей, дающим возможность занимать ведущее место в жизни Греции.

Ключевые слова: Аргос, Афины, Коринф, Лакедемон, Спарта, Никиев мир, полис, союз.

Как сообщает Фукидид (V.14), ко времени окончания срока действия 30-летнего мира, аргивяне не пожелали заключить новый мирный договор со спартапцами, если те не возвратят им область Кинурию. Это решение, ставящее Спарту в весьма трудное положение, недвусмысленно демонстрирует желание Аргоса отказаться от политики нейтралитета.

Трудно не согласиться с Т. Келли, что время принятия этого решения вызывает некоторое недоумение¹. Лакедемоняне только что продемонстрировали свою силу, одержав над афинянами две победы подряд – при Делии и под Амфиполем (Thuc. V.14). Несомненно, что Аргосом был упущен ряд значительно более благоприятных моментов с военной точки зрения. Кроме того, Фукидид (V.14) дает понять, что как со стороны Спарты, так и со стороны Афин преобладали мирные настроения. Однако, как справедливо полагает Келли, выбор момента оказался весьма удачен с дипломатической точки зрения. Аргивяне не могли не знать о мирных переговорах, проводимых Афинами и Спартой. Они не могли не понимать, что далеко не все союзники Спарты поддерживают эти мирные настроения. Как сообщает Фукидид (V.17) против заключения мира выступили беотийцы, коринфяне, элейцы и мегарцы. С другой стороны, аргивяне осознавали, что отказ от возобновления мирного договора послужит дополнительным стимулом к заключению Спартой мира с Афинами. Фукидид (V.14) объясняет, что лакедемоняне считали невозможным воевать одновременно с аргивянами и афинянами.

Впрочем, не имеющий союзников Аргос вряд ли именно в этот момент рассматривал возможность начала военных действий. После заключения Никиева мира в 421 г. до н.э. ситуация выглядела так, как если бы Спарта дезертировала, оставив своих союзников, которые остались фактически проигравшими по результатам войны. Очевидно, это было как раз то, что ожидал Аргос, и то, чего не исключала сама Спарта (Thuc. V.14).

Вскоре после заключения Никиева мира Спартой было направлено посольство в Аргос для ведения мирных переговоров, которые, как и незадолго до этого, не увенчались успехом². Однако, такое положение давало возможность лакедемонянам говорить о вынужденности союза с Афинами, оправдывать его опасениями, что, если бы они, спартапцы, не заключили этот союз первыми, то это могли бы сделать аргивяне, и пытаться тем самым склонить возникшую оппозицию к принятию условий Никиева мира.

Но расчет аргивян оказался более точным. Альянс Спарты с Афинами настолько отдалил от нее Коринф, что, как только военный договор был подписан, ко-

¹ Kelly Th. Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C. // Classical Philology. 1975. Vol. 69. №2. P. 90f.

² Т. Келли подчеркивает поспешность, с которой лакедемонянами были направлены в Аргос послы. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что Спарта не рассчитывала на положительный исход переговоров. Kelly Th. Op. cit. P. 91.

ринфские послы направились из Лакедемона (куда они были приглашены на собрание) в Аргос, где они вступили в переговоры с некоторыми аргосскими должностными лицами. Они объявили аргивянам, что лакедемоняне заключили мир и союз с афинянами не с добрыми намерениями, а с целью поработить весь Пелопоннес. В то же время Аргосу было предложено возглавить коалицию пелопоннесцев. По мнению коринфян, Аргос должен был обратиться ко всем независимым эллинским городам с предложением вступить в оборонительный союз (Thuc. V.27)³. Одновременно с этим наиболее влиятельные города обменивались между собой посольствами и обсуждали все, что касалось единства действий и союза против афинян и лакедемонян (Diod. XII.75.3).

Безусловно, в приведенной ситуации и многих последующих Коринф, преследуя собственные цели, играл значительную роль в формировании отношений между государствами Пелопоннеса. Однако представляется, что роль единоличного лидера в дипломатии, которую Дж. Салмон зачастую отводит коринфянам, является несколько завышенной⁴. При этом мы никак не отрицаем высокую степень влияния Коринфа, как одного из крупнейших и сильнейших полисов Греции, на формирование политических отношений. Х. Уэстлейк придерживается точки зрения, близкой к мнению Дж. Салмона. В частности, на основании рассказа Фукидида (V.50.5) о том, что после Олимпийских игр, проводимых летом 420 г. до н.э., аргивяне с союзниками пытались склонить коринфян присоединиться к их союзу, Уэстлейк делает вывод, что аргивяне были полностью введены в заблуждение коринфской дипломатией и никогда не понимали реальных мотивов Коринфа⁵. Нам представляется более правомерным аргумент Т. Келли, что в данной ситуации аргивяне имели все основания полагать, что коринфяне могут пожелать выйти из Пелопоннесской лиги после того, как лакедемоняне были подвергнуты унижениям во время Олимпиады (Thuc. V.50.1-4)⁶.

Добившись своей цели по разъединению Спарты и ее союзников, Аргос должен был действовать быстро и решительно, поскольку иначе Коринфу ничего не оставалось делать, кроме как снова пойти на сближение с лакедемонянами и принять условия Никиева мира. Кроме того, лакедемоняне, будучи свидетелями объединения против них Пелопоннеса, старались укрепить свои позиции, пытаясь добиться расположения союзников, настроенных враждебно против них (Diod. XII.76.1-2).

Незадолго до этих событий, в 426 г. до н.э., Аргосом было отклонено предложение Клеона о союзе с Афинами, что не может не свидетельствовать о том, что внешняя политика Аргоса не была ориентирована на дружбу с Афинами и вражду со Спартой. Несомненно, политика аргивян была анти-спартанской, однако, в то же самое время она не была про-афинской. Аргос не мог не осознавать, что ни один из его потенциальных союзников не питал каких-либо симпатий по отношению к Афинам. Одни были противниками Спарты (Элида, Мантинейя), другие – противниками Афин (Беотия, Мегары и халкидяне), третьи – противниками Спарты и Афин (Коринф). Такая ситуация исключала какую-либо возможность сближения Аргоса с Афинами. В целом, создавшееся положение было уникальным. Незапятанный какими-либо отношениями ни с одной из воюющих сторон и заслуживший твердую репутацию третьей стороны Аргос намеревался приступить к использованию этого политического капитала.

Однако Аргосу не было суждено в полной мере реализовать свои намерения. По-видимому, слишком многие из потенциальных союзников преследовали исключительно личные цели, которые могли носить порой противоречивый характер. Очевидно, что целью мантинейцев и элейцев было воспрепятствование Спарте, поку-

³ Х. Уэстлейк обращает внимание на проворство, с которым коринфяне приступили к ведению переговоров, что, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что план действий возник еще до заключения союза между Афинами и Спартой. Westlake H.D. *Corinth and the Argive Coalition* // *American Journal of Archaeology*. 1940. Vol. 61. P. 414f.

⁴ Salmon J.B. *Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B.C.* Oxford, 1984. P. 324-341.

⁵ Westlake H. D. *Op. cit.* P. 418.

⁶ Kelly Th. *Op. cit.* P. 96.

шавшейся на их интересы – подчиненную мантинейцами часть Аркадии и подконтрольный элейцам город Лепрей в южной части Элиды (Thuc. V.29.1; 31.2-5). Основной целью коринфян и халкидян было возобновление войны с Афинами. Беотийцы и мегарцы вообще не спешили вступать в союз по причине недоверия демократическому правительству Аргоса (Thuc. V.31.6). Тегейцы же, воевавшие незадолго до этого с мантинейцами при Лаодокии в Оресфиде (Thuc. IV.134.1), скорее всего, не были расположены состоять с последними в одном и том же союзе. После того, как эти три полиса отказались вступить в лигу, энтузиазм Аргоса заметно угас. По всей вероятности, анти-спартанские настроения оказались не настолько сильны, как это было представлено коринфянами. Кроме того, действия самих коринфян не могли не вызывать определенную озабоченность. Когда аргивяне, элейцы и мантинейцы заключили оборонительно-наступательный союз, коринфяне не присоединились к договору, заявив, что достаточно оборонительного союза для взаимной помощи, а нападать они ни на кого не желают (Thuc. V.48.2-3).

По всей вероятности амбиции Коринфа несколько отличались от тех заверений, которые были даны аргивянам. Возможно, планы коринфян не ограничивались возобновлением Пелопоннесской войны с заменой Спарты Аргосом в качестве формального лидера, а содержали пункт о включении Спарты в Аргосскую Лигу или, скорее, принуждении войти в нее при благоприятном исходе.

Действительно, в случае присоединения к Аргосской Лиге Беотии, Мегар и имеющей стратегически важное положение Тегеи Спарта могла оказаться в изоляции, что могло нейтрализовать ее в случае начала военной операции против ее атичского союзника или, желательнее, подтолкнуть к разрыву союзных отношений с Афинами с последующим вхождением в Аргосскую лигу. А, как известно, вариант расширения Аргосского союза за счет Спарты и/или Афин, хотя и имел особую процедуру – не через 12 уполномоченных, а через народное собрание аргивян – полностью не исключался условиями (предложенными корифскими посланцами), одобренными Аргосом (Thuc. V.28.1). Также вероятно, что коринфяне заняли выжидательную позицию, надеясь на разрыв между афинянами и лакедемонянами, между которыми уже возникали трения, и с течением времени формировалась атмосфера подозрений (Thuc. V.25.1-2). В сложившейся ситуации коринфяне не могли не осознавать, что любые военные действия, которые могут начаться, будут направлены против Спарты, что не могло соответствовать их планам.

Таким образом, к весне 420 г. н.э. деятельность аргивян по созданию независимой лиги греческих государств зашла в тупик. Пришло время задуматься о путях выхода из создавшегося положения. Вероятнее всего, рассматривалась возможность возобновления нейтралитета и возможность союза с одним из лидирующих государств. Аргивяне выбрали второе. При этом, как это ни странно, предпочтение народного собрания было отдано Спарте. Причиной этому могла послужить нерасположенность аргивян к афинянам. Возможно, впрочем, что ситуация была сложнее.

Некоторые исследователи склонны рассматривать аргивян либо как олигархов, поддерживающих близкие отношения со Спартой, либо как демократов, которые по определению должны были быть настроены на установление союза с демократическими Афинами⁷. Нет оснований полагать, что все политические решения находили единогласное одобрение среди аргосского демоса (Thuc. V.76.2). Хотя из повествования Фукидида можно заключить, что сторонники олигархии вплоть до 418 г. до н.э. не предпринимали явных попыток подчинить себе правительство, кажется очевидным, что именно этими сторонниками осуществлялась пропаганда политики сближения со Спартой.

В конце зимы или начале весны 420 г. до н.э. в нарушение условий Никиева мира лакедемоняне заключили союз с беотийцами по настоянию последних. Сразу

⁷ Schwarz E. Das Geschichtswerk des Thukydides. Bonn, 1919. P. 66-71; Busolt G. Forschungen zur Griechischen Geschichte. Breslau, 1880. P. 75-181.

после заключения союза беотийцы принялись за разрушение Панакта (Thuc. V.39.3). Аргивяне каким-то образом были поставлены в известность о происшедших событиях. При этом все было представлено так, как будто бы лакедемоняне уговорили беотийцев присоединиться к мирному договору с афинянами. Аргивяне боялись, что столкнутся в лице Спарты, Афин, Беотии и Тегеи с объединением более сильным, чем их собственная лига. Единственным выходом, остававшимся для Аргоса в данной ситуации было немедленное заключение союза с Лакедемоном. С этой целью аргивянами были направлены послы, которые считались самыми близкими друзьями лакедемонян (Thuc. V.40.1-3). Только когда послы уже прибыли в Спарту, аргивяне узнали о настоящем положении дел. После того, как известие о разрушении Панакта и заключении союза между спартанцами и беотийцами достигло Афин, Алкивиад тотчас послал от себя лично в Аргос вестника с предложением немедленно прибыть вместе с представителями Мантинеи и Элиды в Афины и привлечь афинян к союзу, которому он готов всемерно содействовать (Thuc. V.43.3)⁸. Даже не ставя в известность своих послов в Спарте, аргивяне с мантинейцами и элейцами приняли решение войти в союз с афинянами (Thuc. V.44.2).

Аргосским послам тем временем не удалось добиться каких-либо уступок со стороны лакедемонян по Кинурии. Очевидно, Клеобул и Ксенар оказались в меньшинстве: трое других эфоров, по-видимому, не имели заинтересованности в заключении союза с Аргосом. Аргивянам было предложено возобновить договор 451 г. на прежних условиях. Аргосские послы выдвинули встречное предложение – заключить 50-летний мир, но при этом стороны оставляют за собой право решить спор о Кинурии оружием. Сначала лакедемоняне посчитали услышанное, но затем согласились принять это при условии, что проект договора еще до его вступления в силу должен быть одобрен народным собранием (Thuc. V.41.2-3). Разумеется, вероятность победы аргосской армии над спартанской была весьма призрачной, и этот договор мог дать лакедемонянам возможность решить вопрос Кинурии в свою пользу и на долгое время. Уступчивость аргосских послов свидетельствовала лишь об их личной заинтересованности в сближении со Спартой.

Таким образом, заключая союз с афинянами, аргивяне выбирали меньшее из двух зол – действовали не из личных симпатий к Афинам, а стремились сохранить действующее демократическое правительство. Они оказывали содействие в воспрепятствовании участию лакедемонян в Олимпийских играх 420 г., а в следующем году по совету Алкивиада начали войну против Эпидавра⁹. Как сообщает Фукидид (V.53), вторжение было вызвано решением любыми средствами заставить эпидаврейцев присоединиться к их союзу, чтобы обеспечить нейтралитет Коринфа и дать возможность афинянам переправлять свое войско кратчайшим путем из Эгины. Однако очевидно и то, что причиной, по всей вероятности, основной, послужило желание спровоцировать Спарту на начало военных действий, поскольку спартанцы не могли не прийти на защиту своего союзника по Пелопоннесскому союзу.

Осада Эпидавра не принесла положительных результатов для Аргоса. Неудачей, по мнению аргивян, окончилось и противостояние с Лакедемоном на аргосской равнине по причине заключения перемирия на 4 месяца без ведома самих аргивян и их союзников. Фрасил, один из пяти стратегов и сторонник сближения со Спартой, по собственному почину прямо перед началом битвы обратился к Агису, царю лакедемонян, и уговорил его не давать сражения, обещая уладить все разногласия¹⁰. По всей

⁸ Подобным образом описывает события Плутарх (Plut. Alcib. 14). В отличие от Фукидида и Плутарха, по версии Диодора, инициатива заключения союза с Афинами исходила от Аргоса (Diod. XII.77.3).

⁹ Диодором не упоминается в этой связи Эпидавр. По его версии, не имеющей аналогий, Аргосом был опустошен Трезен (Diod. XII.78.2). Возможно, источник Диодора, Эфор, опирался в данном случае на какие-то другие сведения.

¹⁰ Принимая во внимание положение аргивян с союзниками перед этой несостоявшейся битвой, описанное Фукидидом (V.59.3), аргивяне не имели каких-либо шансов на успех. Критикуя ошибки аргосских военачальников, занявших со своей армией очень невыгодную позицию, Л. Лосада (вслед за Д. Каганом) объясняет их нежеланием аргосских военачальников – «пятой колонны» – воевать против

видимости, Фрасил привел достаточно веский и аргумент, который смог убедить Агиса, занимавшего со своей армией выгоднейшую позицию (Thuc. V.59.3), не разбивать аргивян. Таким аргументом могла быть гарантия того, что Аргос готов войти в союз со Спартой. Это в свою очередь, как полагает Д. Каган, свидетельствует об усилившемся положении аргосских олигархов¹¹.

Перемирие не вызвало радости ни со стороны спартанцев, ни со стороны аргивян. Фрасилу едва удалось спастись, когда на обратном пути в Аргос аргивяне стали побивать военачальников камнями (Thuc. V.60.5-6; Diod. XII.78.5). Но, несмотря на недовольство перемирием, аргивяне не спешили разрывать договор с лакедемонянами. Это может показаться странным, но, по-видимому, действия афинян начали вызывать серьезные подозрения в Аргосе. Ведь, втянув аргивян в конфронтацию со Спартой, сами афиняне не пришли вовремя на помощь своим союзникам. И, когда афинские подкрепления наконец-то прибыли (в Аргос), аргивяне попросили их убраться и допустили в народное собрание только лишь по настоятельным требованиям мантинейцев и элейцев (Thuc. V.61.1).

Очевидно, что сторонники олигархического правления в Аргосе переоценили уровень своего влияния. Им не удалось подтолкнуть Аргос к образованию альянса со Спартой, как было обещано Агису, положение которого теперь оставляло желать лучшего (Thuc. V.63.1-4). Ситуация, в которой оказалась Спарта, была близка к критической. Лакедемоняне не могли отдать Тегею противнику и начали готовиться к полномасштабным военным действиям.

Трудно судить наверняка о том, какое участие принимали в битве при Мантинее про-спартански настроенные сторонники олигархического правления. Некоторые исследователи полагают, что Агис спланировал битву так, чтобы в ней не пострадали аргосские олигархи. Так, Вудхаус пишет, что с тысячей отборных аргивян, которые были рекрутированы из наиболее богатых аргосских семей и, которые придерживались далеко не демократических убеждений, обращались по приказу Агиса наиболее мягко¹². А. Гомме, подвергая жесткой критике практически все аргументы Вудхауса, ставящего под сомнение свидетельства Фукидида, выражает противоположную точку зрения¹³. По свидетельству Диодора (XII.75.7; XII.79.4), аргивяне из упомянутой тысячи, будучи освобожденными от другой общественной повинности, состоящие на государственном обеспечении Аргоса и постоянно занимающиеся военными тренировками, были настоящими мастерами военного дела. Диодор также пишет, что во время битвы советник Фаракс убедил царя лакедемонян дать аргосским логодам возможность свободного прохода, чтобы не подвергать опасности людей, жертвующих жизнью (Diod. XII.79.6). Вряд ли может вызвать удивление то, что потери этого отряда были незначительными по сравнению с потерями менее подготовленных мантинейцев, воевавших бок о бок с ними.

Так или иначе, спартанцами была одержана победа над объединенными силами аргивян, афинян, мантинейцев и элейцев, и в очередной раз лакедемоняне стали полновластными хозяевами Пелопоннеса (Thuc. V.73.3).

Таким образом, очередной альянс с Афинами оказался для Аргоса еще менее успешным, чем союз 461 г., и не более успешным, чем попытка создать свою независимую лигу. Неудивительно, что после неудачной битвы при Мантинее сторонники лакедемонян, желавшие свергнуть демократию, получили все преимущества и, когда в начале следующей зимы 418/17 г. до н.э. спартанцы послали в Аргос мирные пред-

спартанцев, что привело бы к утрате надежды установить олигархический режим в Аргосе. Losada L.A. *The Fifth Column in the Peloponnesian War*. Brill Archive, 1972. P. 92-93.

¹¹ Kagan D. *Argive Politics and Policy after the Peace of Nicias* // *Classical Philology*. 1962. Vol. 57. № 4. P. 212-213.

¹² Woodhouse W.J. *The Campaign and Battle of Mantinea in 418 B.C.* // *Annual of the British School at Athens*. 1916-18. Vol. 22. P. 51-83.

¹³ В частности, Гомме указывает на несоответствие аргументов Вудхауса свидетельству Фукидида (V.73.2) о том, что Агис отдавал приказание всему своему войску выступить против мантинейцев и тысячи аргивян. Gomme A.W. *Essays in Greek History and Literature*. Salem, 1977. P. 150-151.

ложения, им не составило большого труда склонить народ к миру (Thuc. V.76.2). Вскоре после принятия этих мирных предложений та же самая партия аргивян, принявшая мирное соглашение с лакедемонянами, разорвала союз с афинянами, мантинейцами и элейцами и заключила союз со Спартой. А весной 417 г. до н.э. лакедемоняне и аргивяне совместно покончили с демократией в Аргосе и установили там олигархию (Thuc. V.81.2). Политика сближения с лакедемонянами и подчинения интересов Аргоса Спарте привела к выступлениям против сторонников олигархов, и летом того же года аргосским демократам в результате уличных боев удалось вернуть себе власть. Однако какое-то время демократам приходилось мириться с достаточно большой группой противников, что подтолкнуло новое правительство к очередному сближению с Афинами. Как можно заключить из сообщения Фукидида, этот союз был лишь наименьшим из всех зол. Пользуясь помощью афинян, аргивяне приступили к возведению длинных стен до моря для отражения лакедемонян (Thuc. V.82.5-6)¹⁴. А в 416 г. до н.э. при участии Алкивиада схватили еще 300 сторонников спартанцев (Thuc. V.84.1), после чего олигархи утратили какую-либо возможность оказывать влияние на правительство, а аргосская политика уже больше не носила про-спартанский характер. В то же самое время вряд ли можно было назвать ее и про-афинской. Хотя Аргос и принимал участие в военных кампаниях, проводимых Афинами, это участие было скорее показательным, нежели реальным (Thuc. VI.7.1-2; VII.26.1-3). Так, участие аргосских гоплитов в походе на Сиракузы Фукидид объясняет не столько союзническими мотивами, сколько враждебными чувствами к лакедемонянам (Thuc. VII.57.9).

ARGOS AND ARGIVE COALITION AFTER THE PEACE OF NICIAS

A.V. UNZHAКOV

*Nizhny Novgorod Linguistic
University
n.a. N.A. Dobrolyubov*

e-mail: alun18@gmail.com

This article attempts to analyze the conditions in which Argos found herself after the Peace of Nicias was concluded between Athens and Sparta; the opportunities which enabled Argos to start creating her independent coalition of states; and the causes which led to Argos' failure and loss of her leading role. The author believes that Argive policy in the researched period as well as in earlier times should be characterized as totally pro-Argive, based on a pragmatic approach and aimed at a search for ways which might enable Argos to gain a leading role in the life of Greece.

Key words: Argos, Athens, Corinth, Lacedaemon, Sparta, Peace of Nicias, polis, league.

¹⁴ По всей видимости, часть строительства финансировалось Афинами, т.к. финансовая помощь Аргосу против Спарты предусматривалась договором 416 г. Известно также, что оплата осуществлялась в основном кизикенскими статерами. Blamire A. Athenian Finance, 454-404 B.C. // *Hesperia*. 2001. Vol. 70. №1. P. 113.